

ВЪВЕДЕНІЕ

РУССКАГО НАРОДА

В

СОСТАВИЛЪ
В. АГАТЦУКЪ.

ИЗДАЛЪ
А. Д. СТУПНИНЪ.

С. Я. Гуминъ

СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА

Избраны, изложены и издание редактировано

В. Я. Татцукомъ.

Рисунки худож. *Синцова, Богатова, Ягужинскаго и Шнейдера.*

VIII.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Баба Яга (съ 4 рис.).—2. Бѣдный мужикъ (съ 2 рис.).—3. Бабыя работа (съ 2 рис.).—4. Нищему подать,—Богу взаимы дать (съ 2 рис.).—5. Ивашечка и вѣдьма (съ 3 рис.).—6. Про серебряное блюдечко и наливное яблочко (съ 3 рис.).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

печатанное безъ переплѣтъ съ 1-го, **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ОДОБРЕННАГО** для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

МОСКВА.

Издание книгопродавца **Алексѣя Дмитріевича Ступина.**

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 17 Іюля, 1902 года.

Баба - Яга.

ИТѢ въ нѣкоторомъ городѣ купецъ съ женою, а у нихъ была дочка Настя, единое дитяtko. Не наглядятся на дочку отецъ съ матерью, не наладуются; берегутъ пуще глаза, чтобы вѣтеръ на нее не пахнулъ, горячее солнышко ея личика не опалило. Жилъ купецъ въ хорошемъ достаткѣ, съ женою—въ любви да согласіи: добрые люди ихъ житью радуются, а худые завидуютъ.

Пуще всѣхъ завидовала купцовой женѣ одна ихъ сосѣдка вдова, и задумала она купчиху извести, чтобы самой потомъ за купца замужъ выйти. Была она женщина еще въ самой порѣ: высокая бѣлая да румяная, хоть отъ перваго мужа у нея было двѣ дочери, постарше Настя. Собралась вдова и пошла въ дремучій темный лѣсъ; а въ томъ лѣсу жила ея тетка Баба - Яга, злая колдунья. Все вдова Ягѣ рассказала, ничего не потаила и дала ей Ягѣ два яблока,—не простыя, заколдованныя: первое женщинѣ дать,—обернется она коровою, а вторымъ всякаго мужчину къ себѣ приворожить можно.

Вернулась вдова домой, сейчасъ пошла къ своей сосѣдкѣ и стала ее звать: «Что ты все дома сидишь? Пойдемъ въ зеленой рошѣ погуляемъ». Согласилась купчиха, взяла съ собой дочку—и пошли онѣ въ зеленую рощу гулять. Какъ завидѣла Настя цвѣточки алые, лазоревые,—принялась ихъ рвать, вѣнки заплетать. Деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ,—и отошла отъ родимой матушки изъ виду. Въ ту пору купчиха отъ жары

притомилася, захотѣлось ей испить. Подвела ее вдова къ глубокому бездонному пруду, что посреди роши былъ, и говорить: «Можно изъ пруда напиться, только вода въ немъ плохая, стоялая. Лучше, скушай вотъ это яблочко, спѣлое да сочное.» И дала купчихѣ заколдованное яблоко. Только откусила купчиха яблока—обернулась коровой-Буренушкой. А вдова давай кричать, людей на помощь звать: будто оступилась купчиха съ крутого берега и въ пруду утонула. Собрались люди, стали баграми въ пруду искать, невода закидывать,—не нашли купцовой жены, и разошлись по домамъ.

Пошелъ домой и купецъ съ дочкой, а корова-Буренушка ни на шагъ отъ нихъ не отстаеъ, идетъ сзади, въ лицо Настѣ заглядываетъ, и текутъ изъ ея глазъ слезы, точно человѣкъ горько плачетъ. Пришли домой. «Чья это корова?—спрашиваетъ Настю отецъ.—Надо ее прогнать». Стала Настя его просить-молить, чтобы оставилъ онъ Буренушку, не гналъ бы со двора. «Ну, хорошо,—говоритъ купецъ,—пусть побудеъ, пока хозяинъ не същется». Не отыскался хозяинъ у Буренушки, такъ она и осталась.

Прошло послѣ того съ годъ времени,—ужъ купецъ во вдовѣ души не чаеъ; околдовала она его приворотнымъ яблокомъ и такъ ему полюбилась, что только онъ и думаетъ, какъ бы ее за себя замужъ взять. А вдовѣ то и на руку: какъ посватался къ ней купецъ, сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадебку,—и перешла вдова съ дочерями жить къ новому мужу въ домъ.

Худое тутъ Настѣ пришло житье. День и ночь мачеха на нее ворчить. Какъ у ней языкъ не заболить?!... Все не такъ, все худо; поидеъ и придетъ, станеъ и сядеъ,—все не впопадъ. Съ утра до вечера, какъ заведенныя гусли! У родимой матушки Настя, какъ сыръ въ маслѣ каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумигъ, да затихнеъ, а злая баба расходится! — не скоро уймется: все будетъ придумывать да зубы чесать. Чужіе люди Настю любили и жалѣли, а мачеха съ сестрами ея красотѣ завидовали, мучили ее всякими работами, чтобы она отъ трудовъ похудѣла, отъ солнца почернѣла. Только какъ ни стара-

лись онѣ Настю извести,—ничего подѣлать не могли: сами отъ злости худѣли да дурнѣли, а Настя со дня на день хорошѣла. какъ пышный цвѣтокъ распускалась, на всю округу первой красавицей, первой рукодѣльницей слыла.

Злится мачеха день ото дня больше, а того не знаетъ, что помогала Настѣ ея коровка-Буренушка. Вотъ какъ это дѣло сталося. Только что вышла вдова замужъ за настиного отца, придралась чего-то къ падчерицѣ, и выгнала ее вечеромъ зимою въ лютый морозъ изъ дому вонъ: ночуй, гдѣ хочешь. Посидѣла бѣдняжка въ сѣняхъ,—не знаетъ, гдѣ голову приклонить,—и надумала, пойти хоть въ хлѣвъ погрѣться. Вошла въ коровникъ, прижалась къ своей Буренушкѣ, обхватила ее за шею; стоять, горькими слезами обливается.

Вдругъ, въ самую полночь, только что пѣтухи пропѣли, говоритъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, мое дитяtko, не горюй! Знаю я твою бѣду и въ ней тебѣ помогу. Вѣдь я твоя родная матушка: обернула меня коровой злая разлучница, мачеха. Говорить съ тобой человѣчьимъ голосомъ можно мнѣ только одинъ разъ въ году,—въ нынѣшнюю ночь,—и то только три минуточки. Слушай скорѣй: какъ приключится тебѣ отъ мачехи какая бѣда,—побьетъ она тебя или тяжелой работой замучаетъ,—приходи ко мнѣ; въ одно мое ушко влѣзь, въ другое вылѣзь, и все горе твое какъ рукой сниметь, еще больше похорошѣешь. А если работу какую непосильную тебѣ мачеха задастъ, приноси, коли можно, ее ко мнѣ; я тебѣ и въ этомъ помогу».

Такъ и стала дѣлать Настя. Обидить ее мачеха, она прокрадется въ хлѣвъ къ своей Буренушкѣ, припадетъ ей на шейку, какъ къ родной матери, и выплачетъ свое горе: «Буренушка-матушка! Бьютъ меня, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ! На завтра приказала мачеха пять пудовъ льну на прясть, наткать, побѣлить, въ куски скатать». Потомъ влѣзетъ Буренушкѣ въ одно ушко, въ другое вылѣзетъ,—горя какъ не бывало и вся работа сдѣлана: и нарядено и наткано и побѣлено и скатано. Поглядитъ мачеха на сработанное, побряхтитъ, поворчитъ, спрячетъ въ сундукъ своимъ дочерямъ на приданное, а падчерицѣ еще больше работы задастъ.

Время идет да идетъ, а Настя часъ отъ часу все цвѣтетъ, хорошѣетъ. Всѣ женихи только къ ней сватаются,—на мачехиныхъ дочерей никто и смотрѣть не хочетъ. Мачеха пуще прежняго злится и всѣмъ женихамъ одно отвѣчаетъ «Не выдамъ меньшей прежде старшихъ!» А проводивши жениховъ, побоями зло Настѣ вымещаетъ.

Билась-билась мачеха съ падчерицей,—ни что не беретъ. И порѣшила она пойти къ Бабѣ-Ягѣ въ дремучій лѣсъ за совѣтомъ: какъ-бы Настю извести. Говоритъ ей Яга. «Ничего ты съ ней не подѣлаешь, пока у васъ въ домѣ корова-Буренка живетъ: вѣдь корова-то ея мать. Прикажи ты корову эту зарѣзать, а падчерицу потомъ пришли ко мнѣ за какимъ нибудь дѣломъ. Я ужъ съ ней по своему управлюсь».

Только что вернулась купчиха домой,—начала къ мужу приставать: «Вели корову-Буренку зарѣзать: она всю ночь мычить, мнѣ спать не даетъ. Молока отъ нея нѣтъ, только даромъ кормимъ». Услыхала это Настя, испугалась, стала-было отца просить, чтобы не слушалъ мачехи, не велѣлъ рѣзать любимую Буренушку,—какъ накинется на нее мачеха: «Ахъ ты такая-сякая, хочешь меня съ мужемъ ссорить!» Избила Настю и вонь изъ дому выгнала. Купцу что до коровы,—рѣзать, такъ рѣзать,—послать за мясникомъ, чтобы на другой день зарѣзать корову.

А Настя прибѣжала ночью къ своей Буренушкѣ, припала къ ея шеѣ, плачетъ горькими слезами да приговариваетъ: «Родимая моя Буренушка! Нѣтъ конца мачехиной злобѣ: приказала она тебя завтра зарѣзать. Убьютъ тебя,—на кого я, горемычная, останусь?» Отвѣчаетъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, дитятко мое милое, слезами горю не поможешь: видно, такъ мнѣ на роду написано. Не то бѣда, что убьютъ меня, а то горе, что нельзя ужъ мнѣ будетъ помогать тебѣ, какъ я прежде помогала. А все-таки не оставлю я тебя безъ помощи. Какъ зарѣжутъ меня, попроси ты мясника, чтобы отрубилъ онъ мой правый рогъ; береги его всегда при себѣ, никому не показывай; а когда приключится съ тобой какая бѣда,—приложи рогъ къ уху и слушай: онъ тебя научитъ, какъ горю пособить».

На другое утро зарѣзали Буренушку при злой мачехѣ; а какъ ушла она и стала мясникъ мясо на части рубить,—выбѣжала къ нему Настя и выпросила себѣ на память правый буренушкинъ рогъ.

Вскоро послѣ того понадобилось купцу ѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Какъ уѣхалъ онъ, мачеха перешла на житье въ другой домъ; а возлѣ того дома и начинался дремучій лѣсъ, гдѣ Баба-Яга жила. Пришла осень. Разъ вечеромъ, мачеха раздала всѣмъ тремъ своимъ дѣвушкамъ работу: старшую дочь заставила кружева плести, младшую—чулки вязать а Настю — прять, и всѣмъ большіе уроки въ работѣ задала. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку въ той горницѣ, гдѣ работали дѣвушки, а сама спать легла. Дѣвушки работали. Только вдругъ, затрещала свѣчка,—что-то на свѣтильню попало,—и начала гаснуть. Старшая мачехина дочка стала-было поправлять свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, будто нечаянно, и потушила свѣчку вовсе. «Что намъ теперь дѣлать?—говорить.—Огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ». — «Мнѣ отъ спиць свѣтло,—говорить младшая мачехина дочка, что чулки вязала,—я не пойду». — «И я не пойду, мнѣ отъ булавокъ свѣтло», —говорить ея сестра, что кружева плела. «Тебѣ за огнемъ идти!—закричали обѣ. — Ступай къ Бабѣ-Ягѣ!» И вытолкали Настю изъ горницы.

Пошла она въ свой чуланчикъ, сѣла и задумалась: «Чѣмъ мнѣ каждый день муки терпѣть, пойду лучше къ Бабѣ-Ягѣ: одинъ конецъ!» Вынула буренушкинъ рогъ, приложила его къ уху—и слышитъ, точно издали ей тихій голосъ говорить: «Не бойся, Настенька, дочка моя милая; ступай, куда посылаютъ. Только смотри: рѣга съ собой взять не забудь да почаще его слушай,—ничего съ тобой у Яги не станется». Настя спрятала рогъ за пазуху, перекрестилась и пошла въ дремучій лѣсъ.

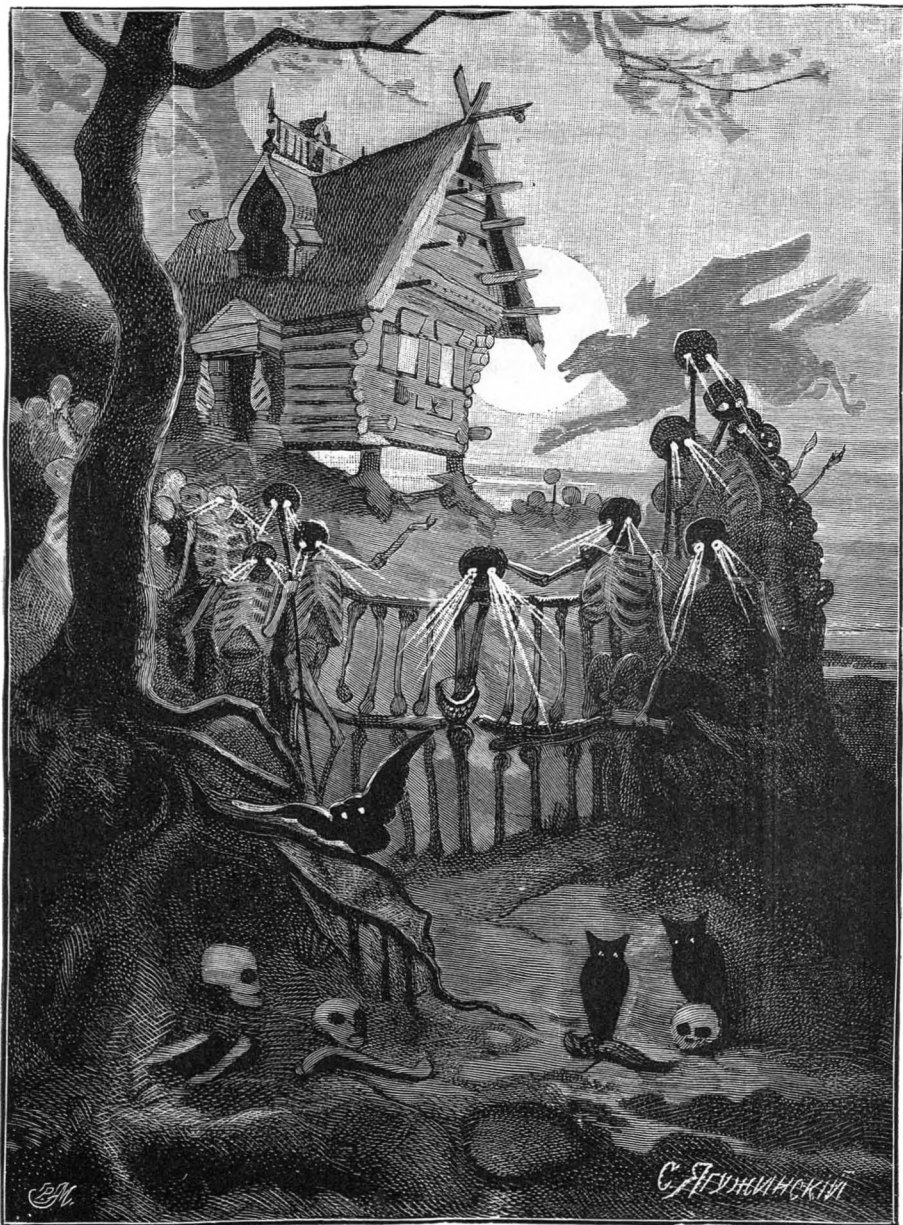
Всю ночь шла Настя, не останавливаясь; чуть-чуть сѣрѣтъ въ лѣсу стало—вышла она на поляну, гдѣ стояла избушка Бабы-Яги. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтушкихъ пяткахъ, кругомъ избушки заборъ изъ человѣчьихъ кос-

тей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами, и горять эти глаза яркимъ огнемъ, такъ что на полянѣ, какъ днемъ, свѣтло; вмѣсто вереи у воротъ—ноги человѣчи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами; за заборомъ собачка бѣгаетъ, побрѣхиваетъ. Обомлѣла Настя, прижалась къ дереву, шевельнуться со страху не можетъ.

Вдругъ, скачетъ черезъ поляну всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подѣ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая,—стало разсвѣтать, мѣсяцъ за гору зашелъ, у череповъ глаза начали гаснуть. Все стоитъ Настя, отъ страха опомниться не можетъ. Немного погодя промчался другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ, конь подѣ нимъ красный и сбруя на конѣ красная,—стало всходить солнце. Все стоитъ Настя, тронуться съ мѣста не смѣетъ, не знаетъ, что дѣлать. Вынула она изъ-за пазухи буренушкинъ рогъ, прислушалась,—изъ него говоритъ ей голосъ: «Сейчасъ пріѣдетъ Баба-Яга съ добычи, ты къ ней подойди, свое дѣло ей скажи, все, что она прикажетъ, дѣлай и никому, кто что отъ тебя будетъ просить, не отказывай».

Вдругъ, страшно въ лѣсу загремѣло, завыло, застучало; поднялся вихрь, деревья къ землѣ приклонились, застонала мать сыра-земля, — выѣзжаетъ изъ лѣсу Баба-Яга, костяная нога; въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подѣхала къ воротамъ, остановилась, оглядѣлась, кругомъ: «Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь есть—отзовись!» Настя подошла къ старухѣ со страхомъ и низко ей поклонилась: «Это я, бабушка. Меня мачехины дочки прислали огоньку у тебя попросить». — «А, внучка, наконецъ-то ты ко мнѣ пожаловала! Ну, входи въ мой домъ, поработай на меня. Коли угодишь,—будетъ тебѣ огонь; а нѣтъ,—не прогнѣвайся: найдемъ и для твоей головы въ заборѣ свободный колъ!» Потомъ обернулась къ воротамъ и крикнула: «Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь! Ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились. Выѣзжаетъ Баба-Яга на широкій дворъ; выѣзжаетъ, посвистываетъ; позади нея Настя потихоньку вошла, и за ними опять все заперлось.

Вылѣзла Яга изъ ступы,—ступа сама въ сарай поѣхала;

Промчался всадникъ, самъ красный, конь подъ нимъ красный...

вошла Яга въ горницу и развалилась на постели. «Подавай-ка,—говорить Настѣ,—что тамъ въ печи: я ѣсть хочу!» Стала Настя таскать изъ печи да подавать Ягѣ кушанья,—а кушанья было настряпано человѣкъ на десять,—принесла изъ погреба квасу, меду, пива, вина. Все пріѣла, все выпила Яга, пріѣла и съ костями, выпила до единой капельки; оставила Настѣ одно только поросячье ребрушко, да и то обглоданное. «Ну, теперь,—говорить,—я до вечера спать лягу, а ты не бездѣльничай: состряпай мнѣ къ завтраку столько же ѣды, сколько было мнѣ на ужинъ приготовлено. Вотъ пока тебѣ вся работа, а буду вечеромъ уѣзжать,—дамъ тебѣ настоящее дѣло». Сказала Яга и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листъ посыпался.

Вышла Настя на крыльцо, сѣла, на ступенькѣ и только что хотѣла позавтракать ребрушкомъ,—подходить къ ней старый облѣзлый котъ и говоритъ: «Мяу-мяу, дѣвица! Дай мнѣ то, чѣмъ тебя Яга поподчевала. Настя вспомнила совѣтъ буренушкина рога, отдала коту ребрушко, а сама не ѣвши осталась. Стала она ходить по двору, Бабы-Яги хозяйство осматривать: всѣ амбары, погреба, закромы полнымъ-полны припасами. Забрала она чего нужно, и принялась готовить Ягѣ къ вечеру завтракъ. Вдругъ, выбѣжали изъ-подъ пола мышки и говорятъ: «Дѣвица, дѣвица! Дай намъ кашки: мы тебѣ пригодимся». Она имъ дала кашки. Сготовивши завтракъ, сѣла Настя подъ окошко и задумалась. Подходить къ ней черная собачка, что дворъ сторожила, старая, худая,—кости да кожа,—и говоритъ: «Здравствуй, дѣвица, чего пригорюнилась?» Настя ей рассказала: объ чемъ задумалась. «Вынеси мнѣ, дѣвица, говядинки кусочекъ я тебѣ пригожусь». Вынесла ей Настя кусочекъ говядинки.

До вечера далеко, все дѣло сдѣлано,—вышла Настя на ягинъ дворъ, подошла къ воротамъ; вдругъ говорятъ ей ворота человѣчьимъ голосомъ: «Дѣвица, дѣвица, подлеи намъ масла подъ пяточки: мы тебѣ пригодимся». Она подлила имъ масла подъ пяточки. А яблонька, что у воротъ стояла, тоже просить: «Подвяжи меня, дѣвица, ленточкой изъ твоей русой косы: я тебѣ понадобится». Настя и яблонькину просьбу исполнила.

Подошло дѣло къ вечеру; проснулась Баба-Яга, позавтра-

кала по утрешнему и говоритъ дѣвицѣ: «Сейчасъ я уѣду, а ты въ ночь дѣломъ займись: есть у меня полный амбаръ пшеницы да кто-то со зла въ нее земли намѣшалъ. Такъ вотъ, къ утру ты всю пшеницу по зернышку перебери, каждую пшеничину обдуй, очисти, и чистую въ другой амбаръ пересыпь. Да смотри: ѣсть мнѣ приготовь. А не сдѣлаешь всего,—завтра я тобой поужинаю».

Вдругъ, мелькнулъ по двору всадникъ: самъ черный, одѣтъ въ черномъ, конь подъ нимъ черный, сбруя на конѣ черная; мелькнулъ около дома, точно сквозь землю, провалился,—наступила ночь. Баба-Яга вышла на крыльцо, гаркнула-свиснула,—подѣхала къ ней ступа съ толкачемъ. Она сѣла въ нее—и загремѣла по лѣсу.

Осталась Настя одна,—не знаетъ: за какую и работу впередъ взяться. — стоитъ у амбара да горько плачетъ. Вдругъ выбѣгаетъ мышка: «Чего, дѣвица, плачешь?»—«Какъ мнѣ, сѣрая мышка, не плакать? Наказала мнѣ Баба-Яга, къ утру изъ этого амбара всю пшеницу по зернышку отъ земли очистить и въ другой амбаръ перенести; да еще, чтобъ къ утру ей ужинъ готовъ быть».—«Ну, красавица, въ этой бѣдѣ я тебѣ помогу. Ступай Ягѣ ужинъ готовить, а съ пшеницей мы за тебя справимся». Отперла Настя амбары,—откуда ни возьмись, набѣжало мышей видимо-невидимо. Давай пшеницу изъ амбара въ амбаръ по зерну перетаскивать. Еще далеко до свѣту — вся работа была готова: и пшеница перечищена и ужинъ Ягѣ послѣлъ.

Мелькнулъ во дворѣ бѣлый всадникъ, — стало разсвѣтать; мелькнулъ красный, — взошло солнце, глаза у череповъ, что всю ночь горѣли, потухли. Затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сыра земля, — ѣдетъ Баба-Яга. Настя ее встрѣтила. «Все-ли сдѣлано?»—спрашиваетъ Яга. «Изволь посмотри сама, бабушка», — отвѣчаетъ Настя. Яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за-что разсердиться, и сказала: «Ну, ладно: не сегодня, такъ завтра!» Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные друзья! Смелите пшеницу на муку!» Откуда ни возьмись, явилось шесть паръ рукъ, подхватили пшеницу изъ амбара и унесли прочь съ глазъ. Подозвала Яга къ себѣ собаку съ котомъ и говоритъ имъ: «Ну, а вы, дармоѣды, смотрите: день

не спите, эту дѣвчонку сторожите, чтобы не ушла куда. Проснись,—тогда въ васъ нужды не будетъ. Да чтобъ и ворота съ яблоней свое дѣло знали. Не то бѣда вамъ всѣмъ».

Наѣлась Баба-Яга, напилась, по вчерашнему спать завалилась, и говорить Настѣ: «Ты къ вечеру мнѣ завтрака не готовь, истопи только печку пожарче; а пока я не засну, съдъ здѣсь около меня да почеши мнѣ голову». Настя сѣла около Яги. «Что ты такъ на меня, внучка, смотришь?—говорить ей Яга.—Ужъ не спросить-ли о чемъ хочешь?»—«Хотѣлось бы, бабушка; да все не смѣла». — «Ну, спрашивай, только думай, что спросить хочешь: много будешь знать, скоро состарѣешься».—«Вотъ, когда я на полянѣ стояла, такъ мелькнулъ всадникъ, самъ бѣлый и на бѣломъ конѣ. Кто онъ такой?»—«Это день мой ясный»,—отвѣчаетъ Яга. «Потомъ, немного погодя, красный всадникъ на красномъ конѣ мимо меня проскакать. Это кто-же такой?»—«А это мое солнышко красное».—«А что значитъ черный всадникъ на черномъ конѣ, что вечеромъ черезъ поляну промчался и въ твоёмъ дворѣ съ глазъ пропалъ?»—«Это ночь моя темная, — все мои слуги вѣрные!» — отвѣчала Баба-Яга, повернулась къ стѣнкѣ и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листъ дождемъ посыпался.

Подождавши немного, вышла Настя на крыльцо; подбѣжалъ къ ней котъ и говорить: «Пришла тебѣ бѣда, дѣвица: вѣдь Яга затѣмъ печку тебѣ натопить приказала, чтобы въ ней тебя-же зажарить и тобой позавтракать. А ты печку топи, да трубу не закрывай. Можетъ,—пока Яга ее опять калить будетъ,—ты и убѣжать успѣешь. Хорошо-бы тебѣ теперь бѣжать, да не можемъ мы тебя выпустить, пока она не проснется. До того времени приказала она намъ тебя сторожить. Что она намъ прикажетъ, то мы и дѣлать должны». Какъ сказалъ котъ, такъ Настя и сдѣлала: печку вытопила, а трубы не закрыла.

Проснулась Баба-Яга. «Вытопила печку?» — спрашиваетъ. «Вытопила»,—говоритъ Настя. «Жарко?»—«Топила-то жарко, да боюсь: ужъ не остыла-ли». Посмотрѣла Яга печку, разсердилась: «Эхъ ты, боярышня! Печку закрыть во время не умѣешь. Смотри: совсѣмъ холодная. Ступай въ свѣтелку, садись пока пряхь; я ужъ сама печку истоплю какъ слѣдуетъ».

*Бѣжитъ Настя
дремучимъ лѣсомъ.*

Затомила Яга опять печку, — цѣлый возъ дровъ въ нее ввѣлила; а Настя сидитъ въ свѣтелкѣ, — прядетъ, не прядетъ, все думу думаетъ. Вынула изъ-за пазухи буренушкинъ рожокъ, прислушалась, — слышитъ изъ рожка голосъ: «Стоить здѣсь въ углу сундукъ. Раскрой его, вынь полотенце и гребенку. Какъ побѣжишь, да будетъ тебѣ Яга догонять, — кинь позади себя гребенку. Не поможетъ гребенка, — кинь полотенце

Да не забудь черепъ съ забора захватить. Какъ стемнѣетъ, такъ и бѣги».

Только раскрыла Настя сундукъ, что въ свѣтелкѣ, въ углу, стоялъ.—а Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли, милая?»—«Тку, бабушка, тку, милая!»—говоритъ Настя, а у самой со стѣха зуба-на-зубъ не попадетъ. Ушла Баба-Яга. Вдругъ, слышитъ Настя: кто-то къ ней въ дверь царапается. Пріотворила, — вбѣжалъ котъ и говоритъ: «Ну, дѣвица, теперь пора, ужъ стемнѣло: бѣги скорѣй, сколько есть силы». Выскочила Настя изъ свѣтелки.—собачка ее пропустила, ворота передъ ней отворились, яблонька въ сторону отоднулася,—схватила она черепъ съ забора вмѣстѣ съ палкою и пустилася бѣжать въ лѣсъ безъ оглядки.

А котъ сѣлъ за ткацкій станъ,—ткетъ-не-ткетъ, только путаетъ. Подошла Баба-Яга къ окошку и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли милая?»—«Тку, баба, тку!»—говоритъ котъ. Баба-Яга бросилась въ свѣтелку, увидѣла, что Настя ушла,—давай бить кота и ругать: зачѣмъ не выцарапалъ ей глаза. «Я тебѣ сколько служилъ,—говоритъ котъ,—ты мнѣ сухой корки не дала, а она меня косточкой попотчевала». Накинулася Баба-Яга на собаку: зачѣмъ не лаяла, не кусала Настю, когда она убѣгала, на ворота: зачѣмъ передъ ней отворились, на яблоньку: зачѣмъ ей глаза не выхлестнула. «Я тебѣ сколько служила,—говоритъ собачка,—ты мнѣ косточки обглоданной не кинула, а она меня мясомъ покормила».—«Мы тебѣ сколько служили,—говорятъ ворота,—ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила».—«Я тебѣ сколько служу,—говоритъ яблонька,—ты меня и ниточкой не подвязала, а она, добрая, меня ленточкой изъ косы подвязала».

Баба-Яга сѣла поскорѣй въ ступу,—толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замаетъ,—и пустилася догонять Настю. Бѣжить Настя, что есть силы, дремучимъ лѣсомъ. Вокругъ нея ночь темная-непроглядная; видятся ей страшныя чудища,—за сарафанъ ее хватаютъ, дорогу загораживаютъ,—а она все бѣжить да бѣжить. Вдругъ, слышитъ она: далеко-далеко сзади

А Баба-Яга ужь вотъ она. Вотъ-вотъ догонитъ!

точно буря загудѣла, точно громъ загрохоталъ.... Стонетъ, дрожить мать-сыра земля.... Баба-Яга догоняетъ!..

Обернулась Настя и кинула назадъ себя гребешокъ. Вдругъ, поднялся сзади такой густой лѣсъ, что и мыши между деревьевъ не пробраться,—дремучій да страшный лѣсъ, безъ единой тропиночки. Наскочила Яга на лѣсъ,—нельзя дальше. Завыла со злости и давай въ лѣсу себѣ дорогу прогрызать.

А Настя все бѣжить да бѣжить. Вотъ ужъ и лѣсу скоро конецъ, разсвѣтать начало. Вдругъ, слышитъ: опять сзади загудѣло-загрохотало пуще прежняго, близится грохотъ, точно буря несется, стоя слышно, какъ дрожить, стонетъ мать сыра-земля. То Баба-Яга прогрызла лѣсъ и въ погоню мчится. Оглянулась Настя, а Баба-Яга ужъ вотъ она, вотъ-вотъ—догнать!.. Только успѣла Настя кинуть полотенце,—разлилось позади ея широкое синее море, разлилось безъ конца-края. Подхватили волны Бабу-Ягу, назадъ на берегъ вмѣстѣ со ступой выкинули. Постояла-постояла Яга на берегу, скрипнула со злости зубами,—да ничего не подѣлаешь: пришлось назадъ, въ свою берлогу, не солоно хлебавши, ворочаться....

Еще солнце не всходило, подошла Настя къ своему дому. У воротъ хотѣла-было она бросить черепъ, что ей всю ночь въ лѣсу свѣтить, вдругъ слышитъ,—изъ бѣренушкина рожка говорить ей голосъ: «Не бросай черепъ, неси къ мачехѣ!»

Мачеха съ своими дочками встрѣтила Настю ласково и рассказала, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ въ домѣ такъ и не было огня: сами добыть никакъ не могли, а какой отъ сосѣдей принесутъ,—тотъ сейчасъ гаснетъ, какъ только войдутъ съ нимъ въ горницу. «Авось, хоть твой огонь будетъ держаться,»—говоритъ мачеха.

Внесли черепъ въ горницу,—а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачеху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ-было прятаться,—только, куда ни бросятся, глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ. Въ минуту совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь....

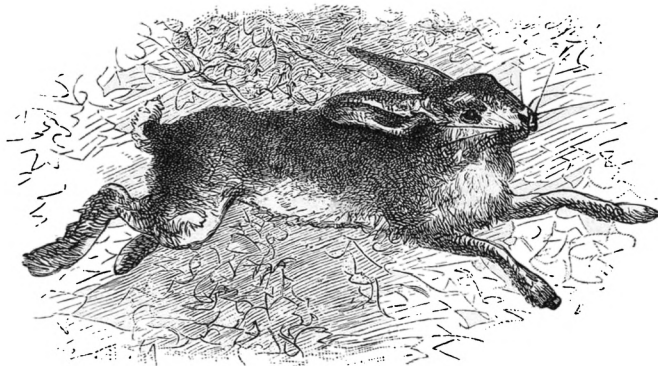
Скоро вернулся изъ отлучки настины отецъ. Настя ему все рассказала и стали они жить вдвоемъ въ мирѣ да согласіи лучше прежняго, потому что какъ померла мачеха, такъ и колдовство ея надъ настинымъ отцомъ кончилось.

Бѣдный мужикъ.

ШЕЛЪ бѣдный мужикъ полемъ и увидалъ подъ кустомъ зайца. Обрадовался мужикъ: «Вотъ.— думаетъ,— счастье-то! Сейчасъ я этого зайца плетью убью, снесу въ городъ и продамъ, а на тѣ деньги куплю себѣ курочку. Курочка нанесетъ яицъ, высидитъ цыплятъ; какъ под- ростутъ цыплята, я ихъ продамъ и куплю себѣ свинку. Свинка принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятъ; поросята подрастутъ, принесутъ каж- дый еще по двѣнадцати а тѣ выростутъ,— опять по двѣнадцати принесутъ. Я ихъ всѣхъ переколю, мясо про- дамъ, на денежки домъ и все хозяйство заведу, а самъ женюсь. Родятся у меня двое сыновей: Ванька да Васька. Дѣтки станутъ съ работниками пашню пахать, а я буду у окна сидѣть да по- рядки давать: «Эй вы, ребята,— крикну, — Ванька да Васька! Очень-то людей къ работѣ не невольте: видно сами бѣдно не живали!»

Да такъ громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а съ нимъ и домъ мужиковъ и все богатство и жена и дѣти пропали.

Бабья работа.

А СПОРИЛИ мужъ съ женой: чья работа труднѣе. Мужъ говоритъ: «Что у тебя за дѣло? Все въ избѣ да на дворѣ. Замерзнешь, — отогрѣться не долго; жарко станетъ, — въ холодкѣ посидишь. Попробовала бы ты по нашему: въ полѣ пахать или въ лѣсу зимой дровъ порубить, — узнала бы: каково хлѣбъ достается».

А жена свое: «Нѣтъ, наша работа труднѣе!» Спорили-спорили и порѣшили, чтобъ на другой день помѣняться: женѣ въ полѣ пахать, а мужу дома управляться.

Собралась жена въ поле до-свѣта и наказываетъ мужу: «Смотри, не проспи, — когда нужно будетъ скотину въ поле выгонять; да насѣдку съ цыплятами береги, чтобы коршунъ какого цыпленка не унесъ; да чтобъ обѣдъ у тебя былъ готовъ къ тому времени, какъ я съ поля вернусь: проса на кашу натолки, хлѣбъ испеки да масла сбей». И уѣхала въ поле.

Пока мужикъ вставать собрался, — стѣдить-ли для бабьей работы торопиться, — пока одѣлся да вышелъ скотину выгонять, — а стадо ужъ и прогнали: пришлось бѣгомъ догонять. Вернулся домой, да чтобъ коршунъ цыплятъ не потаскалъ, — онъ всѣхъ ихъ веревочкой къ насѣдкѣ привязалъ и пустилъ ходить по двору, а самъ сталъ около печи управляться.

Затопилъ онъ печь. Помнить, что пока печка топится, жена всегда тѣсто мѣсила и просо на кашу толкла, — вотъ онъ

замѣсилъ тѣсто и давай просо толочь, да, чтобы сразу и масло сбить, — привязаль къ поясу кувшинъ со сметаной. Думаетъ: какъ будетъ просо толочь,—и масло собьетъ.

Только что началъ толочь просо въ ступѣ, — насѣдка на дворѣ какъ заклохчетъ: Киррь-киррь!... А цыплята какъ запищать... Онъ на дворъ, взглянуть: чего это они тамъ,—зацѣпились второпяхъ за порогъ, растянулся и кувшинъ со сметаной разбилъ. Да ужъ и не до сметаны тутъ! Глядитъ: здоровенный коршунъ ухватилъ цыпленка, а за нимъ и остальные цыплята съ насѣдкой кверху потянулись, — потому что связаны вмѣстѣ были. Пустился мужикъ бѣжать въ ту сторону, куда коршунъ цыплетъ понесъ; бѣжалъ-бѣжалъ,—не догналъ. Такъ и скрылся коршунъ изъ виду.

Вернулся мужикъ назадъ,—глядь: изба растворена, у порога собака сметану долизываетъ. Онъ ее палкой. Вошелъ въ избу,—а туда свиньи забрались: одна свалила на полъ тѣсто и уцепляетъ его за обѣ щеки, а другая опрокинула ступу и около проса старается. Давай онъ свиней выгонять; выгнать, всю палку обѣ нихъ измочалилъ. Смотритъ: а въ печи ужъ давно погасло.... Эхъ, чтобъ васъ!... Совсѣмъ съ толку сбился мужикъ; стоитъ посреди избы да въ затылкѣ чешетъ.

Пока онъ думаль,—ужъ и обѣдать время подошло, жена съ поля вернулась. Въѣхала она на дворъ, смотритъ: нѣтъ насѣдки. Распрягла лошадь, вошла въ избу и спрашиваетъ у мужа:

— Гдѣ насѣдка съ цыплятами?

— Гдѣ! Коршунъ унесъ, вотъ гдѣ. Я нарочно всѣхъ цыплятъ веревочкой къ насѣдкѣ привязаль, чтобы коршунъ котораго не унесъ или чтобы не разбѣжались. А коршунъ налетѣлъ да такой здоровенный, что и насѣдку и цыплетъ сразу утащилъ.

— А обѣдъ готовъ?

— Стотовишь тутъ, когда въ печкѣ погасло!

— Масло сбиль?

— Ну тебя съ масломъ! Я чуть голову себѣ не разбилъ: побѣжалъ за насѣдкой, споткнулся, кувшинъ разбился,—вонъ и черепки валяются.... А сметану собака слизала.

— Да что это у тебя тѣсто по всей избѣ?

— Все твои свиньи проклятыя. Я кинулся за насѣдкой,— а онѣ въ избу: одна гѣсто стащила, другая ступу опрокинула и просо поѣла.

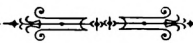
— Такъ ты ничего и не сдѣлалъ?

— Не сдѣлалъ! Сдѣлаешь тутъ съ этими коршунами да свиньями.

— А я вотъ вспахала же всю полосу, да смотри, въ какую еще пору домой вернулась.

— Ишь, тамъ-то одно дѣло, а тутъ—вонъ сколько! И одно дѣлай и другое и третье. Гдѣ со всѣмъ управиться.

— Какъ-же я то каждый день управляюсь? То-то вотъ и есть: не спорь въ другой разъ, не говори, что намъ, бабамъ, дѣлать нечего.

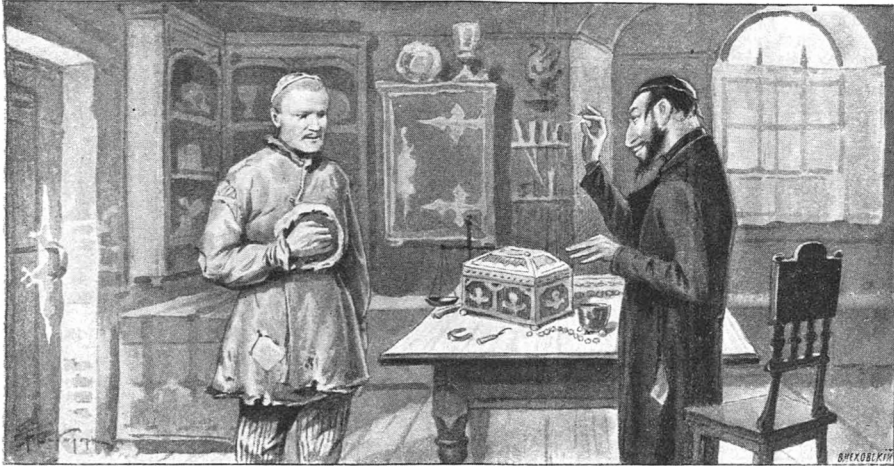
Нищему подать,—Богу взаимны дать.

Въ одномъ городѣ жилъ—былъ татаринъ. Былъ онъ человекъ бѣдный, вдовый, съ малыми дѣтьми. Цѣлый день его дома нѣтъ,—онъ на поденщину ходилъ,—ребятишки все одни да одни: ни прибрать ихъ, ни накормить, ни присмотрѣть за ними некому. Жениться бы ему опять,—да кто за такого бѣднаго пойдетъ, чужихъ ребятъ нянчить? Вотъ и надумалъ татаринъ взять себѣ въ домъ работницу. Хотъ и тяжело бѣдняку лишній ротъ кормить, да что подѣлаешь: жалко дѣтей.

Нашлась и работница подходящая. Померъ тутъ мужикъ одинъ бѣдный—пребѣдный; такъ послѣ него дочь-сирота осталась. Ее татаринъ и сговорилъ, чтобъ служила у него изъ-за хлѣба. Стали они жить. Дѣвушка,—Машей ее звали,—въ домѣ управляется, за дѣтьми смотритъ, обѣдъ готовитъ, а татаринъ на поденщинѣ работаетъ. И такъ эта Маша ко двору ему пришла, такъ за его татарчатами смотрѣла,—словно имъ мать

родная,—что лучше ему, спокойнѣе за ней было жить, чѣмъ за своей женой: во всемъ онъ ей вѣрилъ, обо всѣхъ своихъ дѣлахъ съ ней совѣтовался. И заработокъ у него сталъ больше: первое, что работа наверху оказалась выгодная, а второе — и работать стало скорѣе, какъ пересталъ онъ ежечасно о своихъ ребятишкахъ душой болѣть.

Вертитъ камень въ рукахъ, на святъ перекидываетъ.

Разъ вечеромъ, когда татаринъ дома былъ, подошелъ къ окошку нищій, старый старичокъ и просить милостынку. Маша подала ему хлѣба краюшку. «Что это ты, дѣвушка,—говоритъ Машѣ татаринъ, — нищимъ хлѣбъ раздаешь? Самимъ намъ только хватаетъ». — «Ничего, сами какъ нибудь сыты будемъ по нашему, надо нищимъ подавать, потому что нищему подать—все равно, что Богу займы дать. А нашъ Богъ за добро во сто разъ отдаетъ»,—говоритъ ему Маша.

Былъ у татарина прикопленъ на черный день серебряный цѣлковый. И чудное дѣло: съ той поры, какъ завелся у него этотъ цѣлковый, завелась и лишняя забота. Ночью татаринъ просыпаться сталъ,—боится: не украсть бы кто его денегъ; днемъ все ему думается: какъ бы этотъ цѣлковый въ оборотъ пустить, чтобы не лежалъ онъ такъ, даромъ, а выгоду приносилъ бы.

Запали татарину въ голову машины слова; думаль онъ, думаль и порѣшилъ: дать свой цѣлковый Русскому Богу взаимы. Пришелъ въ воскресенье на церковную паперть — и отдалъ деньги первому нищему.

Долго-ли, коротко-ли,—заболѣла вдругъ татарина работаница, и такъ тяжко заболѣла, что съ постели встать не можетъ, — вся, какъ огонь горить, какъ свѣчка день ото дня таетъ. Правду люди сказываютъ: бѣда идетъ,—за собой другую ведетъ. Какъ на грѣхъ, и хозяинъ машинъ въ то-же время повредилъ себѣ руку топоромъ,—и ему работать нельзя. Пришла тутъ имъ бѣда неминуемая: дѣти голодные кричатъ, плачутъ, ѣсть просятъ, а въ домѣ завалищаго куска хлѣба нѣтъ и добыть неоткуда. Вспомнилъ татаринъ про свой цѣлковый, что Русскому Богу взаимы отдалъ, и говоритъ Машѣ: «Вотъ, дѣвушка, когда мой запасный цѣлковый намъ бы пригодился. Я его Вашему Богу, какъ ты меня учила, взаимы далъ,—надо бы теперь его назадъ взять. Больно нужно».

А Маша и отвѣтить ему ничего не можетъ,—такъ разболѣлась. Пошелъ татаринъ на паперть, сталъ искать того нищаго, которому свой рубль далъ, — нѣтъ нищаго. Видитъ онъ, что проходятъ люди изъ церкви,—въ то время обѣдня шла,—подаютъ нищимъ милостыню, сталъ и онъ руку протягивать. Стоялъ-стоялъ, люди мимо идутъ, ничего ему не даютъ, все говорятъ: «Богъ подастъ!» Наконецъ, ужъ и обѣдня отошла.—Выходитъ изъ церкви послѣ всѣхъ старый старичокъ въ бѣдной одежѣ, и подалъ татарину копеечку.

Воротился татаринъ домой и говоритъ Машѣ: «Вотъ, повѣрилъ я тебѣ, что Вашъ Богъ во сто разъ долги отдаетъ; а мнѣ Онъ за мой цѣлковый одну копейку отдалъ. Какъ мнѣ теперь копейкой васъ всѣхъ накормить?» Пошолъ онъ на рынокъ; что ни спросить,—все дороже копейки стоитъ, такъ и не купилъ ничего. Идетъ домой, голову повѣсивши,—а дорога шла берегомъ,—глядитъ: рыбакъ только что бредень вытащилъ, крупную рыбу отъ мелкой отбираетъ. Вотъ, онъ и говоритъ рыбаку: «Дай мнѣ, добрый человекъ, рыбу за копейку: дома дѣти третій день не ѣвши». Рыбакъ пожалѣлъ его и далъ ему за копейку рыбу,—такъ небольшую.

Дома сталъ татаринъ эту рыбу чистить, чтобы дѣтямъ ее сварить, разрѣзаль, — глядь: внутри у нея маленькій камушекъ, словно стекла кусочекъ, только на солнцѣ очень ужъ сильно блеститъ, радугой переливается. Онъ его Машѣ показаль, а она ему и говоритъ, — ей полегче стало: — «Точно, самоцвѣтный камушекъ. Сходи къ жиду, золотыхъ дѣль мастеру: — не дасть ли за него что». Пришелъ татаринъ къ жиду. Только взглянулъ жидъ на камень, — такъ у него глаза и загорѣлись. «Гдѣ ты это взялъ?» — спрашиваетъ. Татаринъ ему разказаль. «Ну, — говоритъ ему жидъ, — это ничего не стоитъ, такъ стеклышко». — «Если ничего не стоитъ, и не надо; отдамъ дѣтямъ играть». Положилъ татаринъ камушекъ въ карманъ и сталъ-было уходить, а жидъ его за кафтанъ: «Погоди, погоди, — говоритъ, — и у меня дѣти играть любятъ. Давай сюда твой камушекъ я тебѣ такъ ужъ и быть, ради твоей бѣдности, дамъ за него три цѣлковыхъ!» — «Что-то ужъ сразу много жидъ даетъ, — думаетъ татаринъ. — Можетъ, вещь-то цѣнная... Нѣтъ, — говоритъ, — что ужъ! Вы, жида, ради бѣдности чужимъ не дадите. Пойду, въ другомъ мѣстѣ камню цѣну узнаю». — «Зачѣмъ въ другомъ мѣстѣ? Никто тебѣ больше моего не дасть. Хочешь десять рублей». «Не хочу!» — «Ну, двадцать». — «И ста рублей не возму». — «Бери сто рублей». — «Эге, — думаетъ татаринъ, — вотъ она вещь-то какая! Ладно, — говоритъ, — хочешь дать тысячу рублей, — получай камень, твое счастье!» Жидъ торговаться; ухватился за камень, весь дрожитъ, глаза блестятъ, вертитъ его въ рукахъ, на свѣтъ прикидываетъ. Набавилъ двѣсти, триста, пятьсотъ рублей, — не уступаетъ татаринъ. Нечего дѣлать, отсчиталь ему жидъ за камушекъ тысячу рублей. Извѣстно, камень-то три стоилъ.

Воротился домой татаринъ, подошелъ къ Машѣ и говоритъ ей: «Ну, Маша, правда твоя. Великъ Вашъ Богъ Христіанскій, правая ваша вѣра! Хочу по ней жить».

Въ довольствѣ да въ холѣ скоро Маша поправилась. Хозяинъ ея окрестился, женился на ней и стали они жить-поживать, добра наживать да бѣдныхъ людей забывать.

Ивашечка и вѣдьма.

УДОЕ было житье старику со старухою: вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили. Съ молоду еще ничего: жили, другъ другу помогали; состарѣлись,—напитаться податъ некому.... И тужать и плачуть.

Пошолъ разъ старикъ въ лѣсъ за дровами, выбралъ дерево, какое приглянулось—и только-что замахнулся топоромъ, вдругъ говоритъ ему дерево человѣчьимъ голосомъ: «Подожди, добрый человѣкъ, не руби меня подъ корень, дай мнѣ еще на бѣломъ свѣтѣ постоять, на ясномъ солнышкѣ погрѣться. Я твое горе знаю и въ немъ тебѣ помогу. Срѣжь ты съ меня малую вѣточку, снеси домой, прикажи старухѣ ее въ чистыя пеленки укутать, новымъ свивальникомъ обвить да въ теплую золу подъ печку положить; — увидишь: что будетъ». Послушался старикъ дерева, сдѣлалъ все по сказанному.

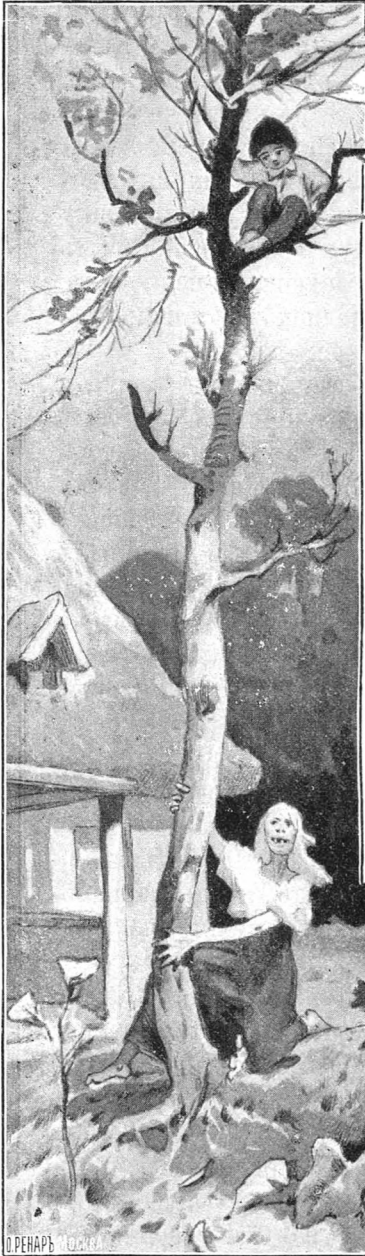
Ночью сидятъ старикъ и старуха въ избѣ, ждуть: что изъ вѣточки будетъ. Вдругъ, зашевелилось что-то подъ печкой и голосокъ слышится: «Батюшка,-матушка, выньте меня отсюда!» Поглядѣла старуха подъ печку,—а тамъ мальчикъ лежитъ, въ пеленочкахъ завернуть, да такой славный,—настоящая ягодка. Ужь какъ сынку старики обрадовались, и сказать нельзя. Назвали его Ивашечкой и стали беречь-ростить.

Ростетъ Ивашечка, подростаетъ, въ разумъ приходитъ. Какъ стало ему семь годковъ, говоритъ онъ отцу: «Сдѣлай мнѣ, батюшка, челночокъ да весельце; буду я по озеру плавать, вамъ рыбку ловить». — «Куда тебѣ, ты еще малъ, утонешь, чего добраго!» — «Нѣтъ, не утону, пусти». Сдѣлалъ ему старикъ челночокъ да весельце, старуха надѣла на сынка бѣлую рубашку съ краснымъ поясомъ, — и отпустили. Вотъ, Ивашечка сѣлъ въ свою лодку и сталъ приговаривать: «Челночокъ-челночокъ, плыви отъ берега дальше!» Челночокъ-челночокъ, плыви отъ берега дальше!» Челнокъ и поплылъ — далеко-далеко.

Въ воскресенье пришла старуха на берегъ и стала кликать Ивашечку: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви-плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла. Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую рубашечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка материнъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ-челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня матушка зоветъ!» Приплылъ челнокъ къ берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую рубашечку съ краснымъ пояскомъ на него надѣла и опять за рыбкой отпустила.

На другую недѣлю старикъ пришелъ къ берегу и зоветъ сынка: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви-плыви къ бережочку! Я, отецъ, пришелъ, тебѣ ѣсть принесъ. Принесъ тебѣ ѣсть-пить, чистую рубашечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка отцовъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ-челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня батюшка зоветъ!» Челнокъ приплылъ къ бережку; старикъ забралъ рыбу, что Ивашечка наловилъ, накормилъ-напоилъ сынка, перемѣнилъ ему чистую рубашку и отпустилъ опять ловить рыбу.

Услыхала вѣдьма, какъ старикъ и старуха сынка кликали и задумала поймать Ивашечку, чтобы его съѣсть. Вотъ, пришла она на берегъ и завыла страшнымъ голосомъ: «Ивашечка, мой сыночекъ! Плыви-плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла!» А Ивашечка распозналъ, что это вѣдьминъ голосъ, а не материнъ, и говоритъ: «Челночокъ-челночокъ, плыви отъ берега дальше! Челночокъ-челночокъ плыви отъ берега дальше! То не мать, то вѣдьма зоветъ!» Челнокъ и поплылъ — далеко-далеко.

Вѣдьма видитъ, что такъ Ивашечку не обманешь, побѣжала къ кузнецу: «Кузнецъ-кузнецъ, — говоритъ, — скуй мнѣ такой голосокъ, какъ у ивашкиной матери; а не то я тебя съѣмъ». Испугался кузнецъ, нечего дѣлать: сковаль вѣдьмѣ такой голосокъ, какъ у ивашечкиной матери. Вѣдьма прибѣжала къ берегу, спряталась въ кустахъ и давай кликать Ивашечку точь въ точь такимъ голоскомъ, какъ у его матери: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви-плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла. Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую рубашечку перемѣнить!» Ивашечка обознался, приплылъ къ берегу, — а вѣдьма выскочила, схватила его, сунула въ мѣшокъ и помчала къ себѣ домой.

Пришла вѣдьма домой и приказываетъ своей работницѣ, Алѣнкѣ: «Истопи печь да зажарь мнѣ Ивашку хорошенько, а я пойду по дѣлу».

Бросилась вѣдьма грызть дерево, на которомъ Ивашечка сидѣлъ.

Вотъ, Алѣнка истопила печь жарко-жарко, взяла лопату, на которой хлѣбы въ печь сажаютъ, и говоритъ Ивашечкѣ: «Ну, ложись на лопату!» Ивашечка легъ поперекъ лопаты,—нельзя Аленкѣ его въ печь сунуть. [«Не такъ, глупый: ты вдоль лягъ!»] Ивашечка легъ вдоль, да ногами въ устьѣ печки уперся,—опять нельзя Аленкѣ его всунуть. «Эхъ, опять не такъ!»—«Да я малъ еще, не знаю, какъ тебѣ нужно,—говоритъ Ивашечка.—Ты сама мнѣ покажи».—«Хорошо, показать не долго!» Легла Алѣнка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила; а Ивашечка—шмыгъ ее въ печь, заслонкой закрылъ лопатой заслонку приперъ. Самъ вышелъ изъ вѣдьминаго дома, заперъ двери, залѣзъ на высокое-высокое дерево, на самую верхушку, и сидитъ.

Воротилась вѣдьма домой, стучится,—никто ей не отворяетъ. «Ишь,—говоритъ,—ушла, лѣнтяйка, изъ дому; навѣрно, гдѣ нибудь теперь съ подругами болтается!» Влѣзла вѣдьма въ окошко, отворила изнутри дверь, накрыла столъ, вынула жареную Алѣнку изъ печи—и давай ѣсть. Бла-бла,— всю Алѣнку съѣла; потомъ вышла на лужокъ и стала на травкѣ валяться да приговаривать: «Покатаюся-повалюся, ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка ей съ дерева: «Покатайся-повалюся, алѣнкинаго мясца поѣвши!»—«Что это, будто меня кто переговариваетъ?»—говоритъ вѣдьма. Поглядѣла туда-сюда,—нѣтъ никого. Опять давай валяться по травкѣ: «Покатаюся-повалюся, ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка съ дерева опять ей: «Покатайся-повалюся, алѣнкинаго мясца поѣвши!»

Перестала вѣдьма кататься, прислушалась, посмотрѣла туда-сюда. Глядь, а на деревѣ Ивашечка сидитъ. Такъ и взвыла она со злости, закрипѣла зубами и бросилась грызть дерево, на которомъ Ивашечка сидѣлъ. Грызла-грызла-грызла,— передніе зубы выломала. Побѣжала къ кузнецу: «Кузнецъ-кузнецъ! Скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то я тебя съѣмъ!» Что кузнецу сдѣлать? Сковаль онъ ей желѣзные зубы. Прибѣжала вѣдьма къ дереву, впилась въ него желѣзными зубами: зашаталось, затрещало дерево.

Сидитъ Ивашечка ни живъ, ни мертвъ,—вдругъ видитъ: летитъ стадо гусей. Взмолился онъ, сталъ ихъ спрашивать:

«Гуси мои, лебедушки! Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери: тамъ васъ накормятъ-напоятъ!»— «Ка-га!—говорятъ гуси.—Пусть тебя задніе возьмутъ!» А вѣдьма грызеть,—только щепки летятъ,—дерево трещитъ, шатается. Летитъ другое стадо гусей. «Гуси мои, лебедушки!—молить ихъ Ивашечка.—Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери: тамъ васъ накормятъ-напоятъ!» — «Ка-га!—говорятъ гуси.—Пусть тебя отсталый гусенокъ возьметъ!»

Не летитъ отсталый гусенокъ, а дерево совсѣмъ ужъ перегрызено, вотъ-вотъ повалится. Остановилась вѣдьма отдохнуть, глядитъ на Ивашечку, облизывается. Вдругъ, летитъ отсталый гусенокъ, чуть крылышками машетъ. Взмолился къ-нему Ивашечка: «Ой, ты гусекъ-лебедь мой! Возьми меня на крылышки, отнеси къ отцу, къ матери: тамъ тебя до сыта накормятъ, холодной водицей напоятъ!» Пожалѣлъ гусенокъ Ивашечку, подхватилъ его на крылья—и полетѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Прилетѣлъ гусенокъ къ ивашечкиному дому и опустился на крышу. А старуха въ то время блиновъ напекла; сидятъ они со старикомъ, сына Ивашечку поминаютъ. «Это тебѣ, старикъ, блинъ, а это мнѣ! Это—тебѣ, а это—мнѣ; это—тебѣ, а это—мнѣ»,—говоритъ старуха.—«А мнѣ?»—отозвался Ивашечка.—«Это тебѣ, старикъ, а это—мнѣ...»—«А мнѣ?»—«Посмотри-ка, старикъ: что это тамъ на крышѣ отзывается». Вышелъ старикъ, глядь: а на крышѣ Ивашечка сидитъ, живой, здоровый. Обрадовались ему отецъ съ матерью такъ, что и рассказать нельзя.

И стали они жить-поживать, добра наживать. А отсталаго гусенка отпоили, откормили, на волю пустили. Съ той поры началъ онъ широко крыльями махать, впереди стада летать. И теперъ живетъ-поживаетъ, Ивашечку вспоминаетъ.

ПРО СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО

мужика*) съ женой было три дочери; двѣ—нарядницы, затѣйницы, а третья — простоватая; и зовуть ее сестры, а за ними и отецъ съ матерью,—дурочкой. Дурочку вездѣ толкають, во все помыкають, работать заставляютъ; она не молвить и слова, на все готова: и траву полеть, и лучину колеть, коровушекъ доить, уточекъ кормить. Кто что ни спросить,—все дура приносить: «Дура, поди! За всѣмъ, дура, гляди!»

Бдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмарку, общаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь просить: «Купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ». Другая дочь просить: «Купи мнѣ алой китайки». А дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу—и ее спросилъ: «Чего тебѣ, дура, купить?» Дура усмѣхнулась и говоритъ: «Купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко».—«Да на что тебѣ?»—спрашиваютъ сестры.—«Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня прохожая старушка за то, что я ей калачъ подала». Мужикъ общалъ и поѣхалъ.

Близко-ли, далеко-ли, мало-ли, долго-ли былъ онъ на ярмаркѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой

*) Великоорусскій варьянтъ, изъ сказокъ Б. Бронницына.

китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебряное блю-
дечко да наливное яблочко; вернулся домой и показываетъ.
Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смѣются,
да ждутъ: что она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блю-
дечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочко, а
сѣла въ утлу, приговариваетъ:

— Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, пока-
зывай мнѣ города и поля, лѣса и моря, и горъ высоту и не-
бесъ красоту!

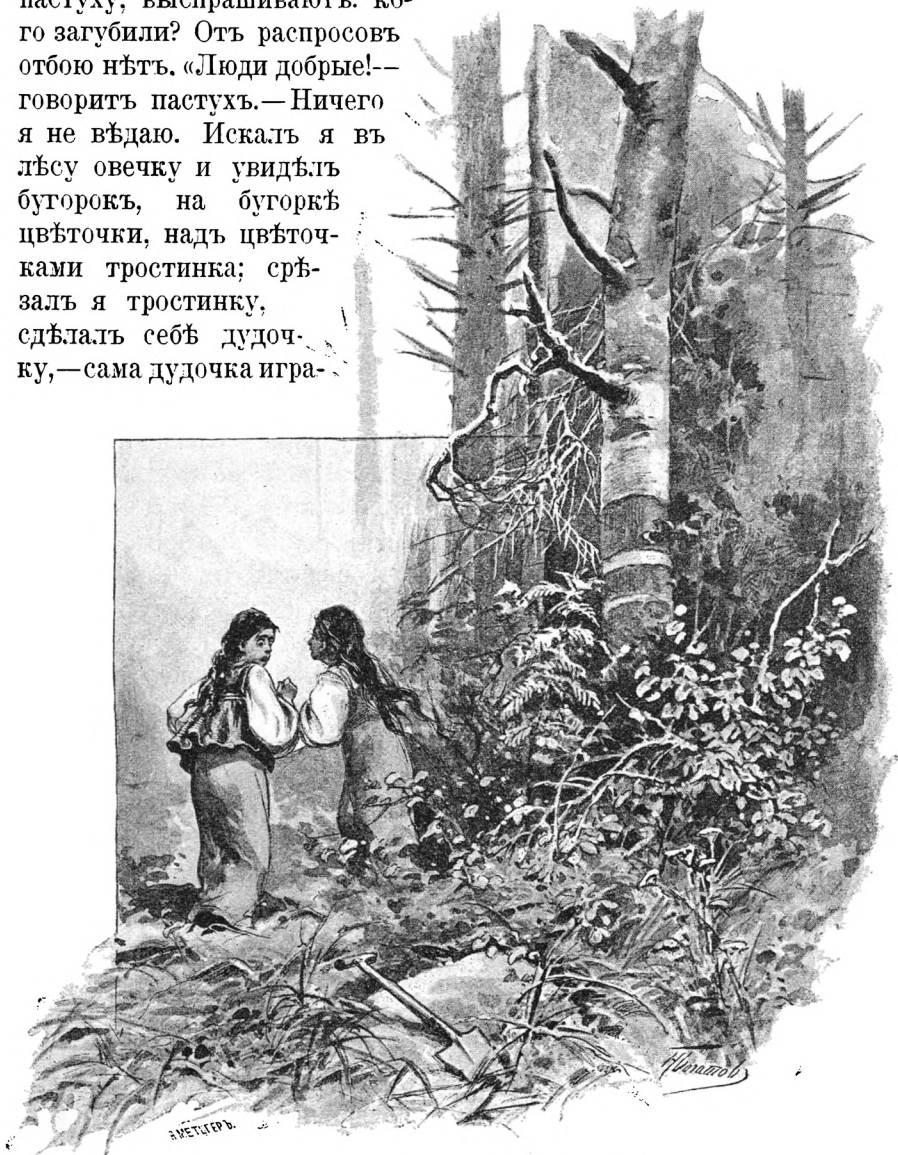
Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному,
а на блюдечкѣ всѣ города одинъ за другимъ видны, корабли
на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ кра-
сота. Солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ
собираются.... Такъ все красиво, на диво, что ни въ сказкѣ
сказать, ни перомъ написать! Заглядѣлись сестры, а самихъ
зависть беретъ: какъ-бы выманить у дуры блюдечко; но она
свое блюдечко ни на что не промѣняетъ.

Злые сестры похаживаютъ, зовутъ-подговариваютъ: «Ду-
шенька сестрица! Въ лѣсъ по ягоды пойдемъ, землянички
наберемъ». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ
пошла; съ сестрами бродить, ягоды собираетъ, и видитъ, что
на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ, злые сестры заступъ схва-
тили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу
поздно пришли, говорятъ: «Дурочка отъ насъ убѣжала, безъ
вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли: видно, волки
сѣзли!» Жалко отцу: хоть дура да, дочь! Плачетъ мужикъ
по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ла-
рець да замкнулъ; а сестры-то слезами обливаются.

Водить стадо пастушокъ, трубить въ трубу на зарѣ и идетъ
по лѣсу овечку отыскивать. Видитъ онъ буторокъ подъ берез-
кой въ сторонѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые,
надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ трос-
тинку, сдѣлалъ дудочку, а дудочка сама поетъ-выговариваетъ.

— «Играй-играй, дудочка! Потѣшай свѣта-батюшку, мою
родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ. Меня, бѣд-
ную, загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за на-
ливное яблочко!» Люди слышатъ, сбѣжались, вся деревня за

пастухомъ идетъ, пристають къ пастуху, выспрашиваютъ: кого загубили? Отъ распросовъ отбою нѣтъ. «Люди добрые!— говоритъ пастухъ.— Ничего я не вѣдаю. Искаль я въ лѣсу овечку и увидѣль бугорокъ, на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку,— сама дудочка игра-

Злая сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили.

еть, выговариваетъ»). Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ слова пастуха схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ:

— «Играй-играй, дудочка, родимому батюшкѣ; потѣшай его съ матушкой. Меня, бѣдную, загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». — «Веди насъ, пастухъ, — говоритъ отецъ, — туда, гдѣ срѣзалъ ты тростинку».

Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты красивые, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ, начали разрывать бугорокъ и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ, — лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загубленная, невѣдомо кѣмъ зарытая. Добрые люди спрашиваютъ: кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ-выговариваетъ:

— «Свѣтъ мой батюшка родимый, меня сестры въ лѣсъ зазвали, меня, бѣдную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго».... Двѣ сестры-завистницы затряслись, поблѣднѣли, — а душа какъ въ огнѣ, и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темный погребъ замкнули до царскаго указа, высокаго повелѣнья; а отецъ въ путь собрался въ городъ престольный.

Скоро-ли, долго-ли — **прибылъ онъ въ тотъ городъ**. Ко дворцу онъ приходитъ; вотъ, съ крыльца золотого царь-солнышко вышелъ, старикъ въ землю кланяется, царской милости просить. Говоритъ царь: «Возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя; когда дочь оживетъ, представь ее намъ съ блюдечкомъ, съ яблочкомъ, съ лиходѣйками-сестрами». — Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везетъ скляницу съ живою водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ на цвѣтной бугорокъ. отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ sprыснулъ водой, — встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, — наплакались.

Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ; привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко; видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за руки связаны, а третья дочь — какъ весенній цвѣтъ, очи — райскій свѣтъ, по лицу заря, изъ очей слезы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удив-

ляется; на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: «Гдѣ-жь твое блюдечко и наливное яблочко?» Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: «Что: ты, царь-государь, хочешь видѣть: города-ль твои крѣпкіе, полки-ль твои храбрые, корабли ли на морѣ, чудныя-ль звѣзды на небѣ?»

Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются, въ нихъ полки собираются, со знаменами со пищалями въ боевой строй становятся, воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятнями; и пальба и стрѣльба, дымъ облако свиль, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли, какъ лебеди, плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ; и стрѣльба и пальба, дымъ облако свиль, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится. наливное по серебряному; въ блюдечкѣ все небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются...

Царь удивленъ чудесами, а красавица льется слезами; передъ царемъ въ ноги падаетъ, просить помиловать: «Царь-государь!—говоритъ она.—Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ». Царь на слезы ея сжалился, по прошенью помиловаль; она отъ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась.

Царь глядитъ, изумляется; взять красавицу за руки, говорить ей привѣтливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброю царицею?»—«Царь-государь!—отвѣчаетъ красавица.—Твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословенье родной матери. Какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и я скажу». Отецъ въ землю поклонился; послали за матерью,—мать благословила. «Еще къ тебѣ слово,—сказала царю красавица:—не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать и отецъ и сестры мои». Тутъ сестры ей въ ноги кланяются: «Недостойны мы!»—говорять онѣ.—«Все забыто, сест-

ры любезныя!— отвѣчаетъ она имъ.— Вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ; а кто старое зло помнить, тому глазъ вонь!»

Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала; а сестры въ раскаяньи плачутъ, какъ рѣка льются, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ.

Пиръ во дворцѣ; крыльцо все въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ; царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ: «Здравствуй,— кричить,— на многія лѣта!»

ВЪ КОНТОРЪ
ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА

А. Д. СТУПИНА,

въ Москвѣ, на Никольской ул.,
ряд. съ Ремесленной управой.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ ДѢТЯМЪ

изящныя изданія, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, съ рисунками извѣстныхъ художниковъ:

ДѢТСКІЯ КНИЖКИ КРУПНОЙ И ЧЕТКОЙ ПЕЧАТИ:

Въ деревнѣ. Сост. М. Ерюльскаѣ. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Разсказы для дѣтей. *Ея же.* Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Маленькимъ дѣтямъ. *Ея же.* Ц. 65 к., въ папкѣ 1 р.

Дѣтямъ. *Ея же.* Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Разсказы еще. *Ея же.* Ц. 90 к., въ папкѣ—1 р. 15 к.

Будемъ читать. Е. А. Богдановой. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Новая книжка. *Ея же.* Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Наши птицы. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р.

Шалуны и шалуны. Сост. С. И. Васильева. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

Прежде азбуки. Сост. И. П. Деркачевъ. Ц. 70 к., въ папкѣ—1 р.

Послѣ азбуки. *Ею же.* Ц. 70 к., въ папкѣ—1 р.

Подспорье. Разсказъ крошки изъ Трехъ Царствъ природы. *Ею же.* М. 97 г. Ц. 70 к., въ папкѣ 1 р.

Родныя картинки. *Ею же.* Ц. 1 р., въ пап. —1 р. 25 к.

КНИГА БЫЛИНЪ.

Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзии.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Съ изящно исполненными рисунками П. Н. Каразина и А. В. Прохорова, съ портр. Рябинина Изд. 5-е. М. 98 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переп.—2 р. 25 к.

Одобрена для библиотекъ и для награды учащимся Ученымъ Комит. Мин. Народнаго Просвѣщенія и Рекомендована Учебн. Ком. по учреж. вѣдом. Имп. Маріи, чанъ классное пособие и для подарковъ.

Наши полезныя птички. Проф. Богданова. Съ изящ. рис. худож. Шнейдера. 98 г. Ц. 30 к., въ пап. 45 к.

Обѣ книжки Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ОДОБРЕНЫ** бесплатныя народныя читальни и библиотекн.

О родныхъ птицахъ. Проф. Богданова. Съ изящ. рис. худож. Шнейдера. 98 г. Ц. 30 к., въ пап. 45 к.

Для ученич. библ. младш. возраста и допущены въ читальни и библиотекн.

Золотая пчелка—Божья работница.

Сказочная быль въ стихахъ. Карлина. Ц. 50 коп., въ изящной папкѣ—75 коп., въ коленкор. переп.—1 руб. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена.

Разсказъ для дѣтей. Сост. Рогова. Ц. 30 к., въ папкѣ—45 коп.

Золотая рыбка.

Сказочная быль въ стихахъ. Карлина. Ц. 50 коп., въ изящной папкѣ—75 коп., въ коленкор. переп.—1 руб. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена.

Образцовыя сказки русскихъ писателей.

Собралъ для дѣтей Авенариусъ; съ рис. Каразина. **Одобрены** Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для училищныхъ библ. Изящ. 4-е изд. М. 97 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ коленкор. переп.—2 р. 25 к.

Русскія сказки для маленькихъ дѣтей.

Сост. О. И. Рогова. Съ кар. 3-е изд. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к., въ изящной папкѣ—1 р. 50 к., въ коленкоревомъ переплетѣ—2 р. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. допущены въ ученическія библиотекн.

Сборникъ басенъ Лерилова,

Хемницера и др., сост. Волженскимъ. М. 94 г. Ц. 25 коп., съ раскрашенными картинками въ изящной папкѣ—60 к. **Одобрень** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Хемницера и др., сост. Волженскимъ. М. 94 г. Ц. 25 коп., съ раскрашенными картинками въ изящной папкѣ—60 к. **Одобрень** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Иллюстрированное изданіе для юношества, подъ редакціею Авенариуса. Съ біографіею поэта, портретами и снимками съ его почерка. Томъ I.—Стихотворенія и сказки. Томъ II.—Поэмы и драматическія произведенія. Томъ III.—Проза. Въ это изданіе, составляющее прекрасный подарокъ для юношества, вошло изъ сочиненій Пушкина все доступное и соответствующее юношескому возрасту. М. 99 г. Изданіе 2-е Ц. за 3 тома 1 р. 50 к., въ изящной папкѣ 2 руб., въ коленкор. переплетѣ—2 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ—3 руб.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библиотекн.

Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній рекомендованы.

Собств. Е. И. В. Канц. по учрежд. Имп. Маріи рекомендованы для ученич. библ. всѣхъ учебныхъ заведеній Вѣдомства, а также и для подарковъ.

Гг. иногородніе адресуются въ контору изд.-книгопрод. А. Д. СТУПИНА, Москва, Никольская, рядомъ съ ремеслен. уп. На пересылку прошу прилагать 20 к. на рубль. Каталоги высылаются за 7 коп. марку.

Изданіе А. Д. Ступина, въ Москвѣ.

СКАЗКИ
ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО СБОРНИКУ

Б.Р. ГРИММЪ

В. А. Гатцукомъ.

Огромный успѣхъ этого изданія объясняется впервые въ немъ съдланною удачною обработкою для русскихъ читателей текста сказокъ

СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ

худож. Гротъ-Югана, а также изящест. и дешевиз. изданія.

Всего 20 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 20 к., въ 2 томахъ въ изящныхъ папкахъ по 10 вып., цѣна за каждый томъ 2 р. 50 к.

Сказки и повѣсти Андерсена.

Новый переводъ съ датскаго подлинника.

Подъ редакціей В. Гатцука.

Снабженный огромнымъ количествомъ (почти на каждой страницѣ).

РОСКОШНЫХЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

заграничныхъ и оригинальныхъ. Всего 10 выпускъ.

Цѣна за каждый выпускъ 25 к., въ 2 томахъ изящныхъ папкахъ по 5 выпуск., цѣна за каждый томъ 1 р. 50 к.

Робинзонъ Крузо.

Его жизнь и приключенія, разсказанныя Даніэлемъ де-Фо.

Полный переводъ съ послѣдняго лондонскаго изданія.

Подъ редакціей В. Гатцука.

Съ 120 рисунками Вальтера Пэже. Изданіе второе. Печатанное безъ перемѣнъ съ перваго.

Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Минис. Народ. Прос. допущено въ ученическія бібліотеки для средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно и въ народные читальни. М. 1897 г.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.

Цѣна за выпускъ 25 к. Въ 2-хъ томахъ, по 10 вып. въ каждомъ, въ изящ. папкѣ—2 р. 75 к. за томъ; тоже въ колѣнк. переп.—3 р. 25 к.

Ученымъ Комит. Минис. Народ. Просвѣщ. Допущены въ Учонищ., Младшаго и Средняго возраста, бібліотеки Среднихъ Учебныхъ Заведеній.